

Зигзаг на пути «Человека»

Премьерой спектакля «Зигзаги» (постановка Людмила Рошкован) открылся двадцать шестой сезон театра-студии «Человек». «Человек» — одна из немногих экспериментальных театральных мастерских, которые возникли еще задолго до всплеска студийного движения в конце восьмидесятых. Она знала период «подпольного» существования и официальных запретов и дожила до наших дней. Все это время художественный руководитель театра Людмила Рошкован оставалась верной идеям театрального эксперимента и давала приют талантливой молодежи. Поклонники экспериментального театра смотрели здесь первые работы режиссеров Михаила Мокеева, Романа Козака и Сергея Женовача. В студии начинали свою карьеру актеры Валерий Гаркалин, Сергей Тарамаев, Ирина Розанова. Сейчас, несмотря на витающие в воздухе идеи коммерциализации театра, Рошкован по-прежнему находится в стороне от театрального мейнстрима. Атмосфера спектаклей в зале на шестьдесят мест напоминает ту, что царит на фестивалях авангардных театров 80-х годов в богемных районах Берлина и Парижа.

МИХАИЛ ГИТЕРМАН

«Я не Пушкин, я другой», — не устает повторять герой Алексея Аганова

Спектакль «Зигзаг» посвящен Пушкину. Но Людмила Рошкован не собирается рассказывать нам о жизни поэта. Режиссер вообще

пытается освободить происходящее на сцене от власти литературного языка. Отдельные фразы из текстов Пушкина, Рабле, Хармса, возникающие по ходу спектакля, служат своеобразным комментарием к происходящему на сцене. А там — девицы спускаются с потолка по белым эластичным рукавам, из стены вываливаются игральные карты, в воздухе носятся странные шумы, голоса и цыганское пение. Режиссер создает единый звуковой ряд, объединяющий мизансцены, жесты, всплески эмоций в единую театральную материю. Из этой материи каждый зритель может выстроить собственный спектакль. Причудливая сценография Виктора Платонова и дикий костюм Нины Климовской, в которых смешались черты эпохи романтизма и

современность, под стать режиссерским выдумкам. Экспериментальный театр не дает позиций.

Ольга Романцова

Сейшн во дворце

В Москве с полным аншлагом прошел второй блюзовый фестиваль Efes Pilsener. Несмотря на то что имена участников были практически неизвестны рядовому любителю блюза, зал Дворца молодежи три дня подряд был набит под завязку — никто не хотел упустить редкую возможность послушать живьем настоящий черный блюз. Оккупировали даже технический балкон второго этажа, с высоты которого под конец представления открывалось совершенно безумное зрелище: пары вполне солидного возраста лихо отплясывали на скамейках чуть пошире гимнастического бревна, а самые неистовые блюзовые фанаты отбивали дробь ногами прямо на столах, срыв с себя последние рубашки и оголив далекие от совершенства торсы.

Открывали фестиваль «Братья Холмсы» из Нью-Йорка, исполнявшие типичный soul на два или на три голоса. Ансамблю Лила Брайана, напротив, больше бы подошло окружение этно-рокового фестиваля: он исполнял в фанковом стиле редкую не только для российского слушателя музыку зайдекоу (zydeco) — в ней культура первых французских поселенцев Луизианы переплелась с негритянскими и индейскими традициями. В музыке зайдекоу оказалось немало забавного сходства с кавказской лезгинкой, хотя солирующий аккордеон сочетался с рэббордом (tabboard) — инструментом, представляющим собой нечто среднее между бронжилетом и стиральной доской, по которой с отчаянным драйвом скребут консервными ножками. Это истинные любители

АЛЕКСАНДР ЗАВРИН

Длинный Джон Хантер спел техасские блюзы на московском Efes Pilsener Blues Festival

блюза не поддались на уловки фолк-фанка и дожидались своего часа. Он пробил, когда на сцену вышли блюз-бэнд «Плохие новости» (The Bad News Blues Band) и его лидер Длинный Джон Хантер (Long John Hunter). Грянул энергичный техасский блюз, в котором дуэт трубы и тенор-саксофона настолько четко поддерживал солильные фрагменты вокала и гитары, что общая картина звучания походила на идеально сложенный puzzle. Признанный «король западнотехасского блюза» через год разменяет восьмой десяток, но энергии дедушке не занимать. Именно его тягучий, неспешный блюз со свингующим соло гитары раскачал публику до состояния настоящего сейшна. Народ, не в силах удержаться от искушения, стал импровизировать свой собственный блюз — кто криком, кто блюзовой нотой, кто скэтом, кто целой фразой. Такое случается не часто.

Марина Антипина

Новый «Евгений Онегин» в Большом театре — возобновление постановки, дата выпуска которой 1944 год. Тогда это была первая работа в Большом начинающего оперного режиссера Бориса Покровского. Автор декораций и костюмов был Петр Вильямс. Хрестоматийный образ оперы Чайковского «Евгений Онегин» связан именно с этим спектаклем — достаточно сказать, что в нем пели Лемешев и Козловский. В 1991 году, когда Россия вступила в новое время, от ветхого шедевра решили отказаться: новый вид сцене придал Валерий Левенталь, тогда главный художник Большого, а постановку сделал снова Борис Покровский. Теперь времена поменялись снова, и руководство театра решило, что старая версия все-таки была

Самых честных правил

лучше. Декорации Петра Вильямса любовно отреставрировали, а в костюме Лемешева облачился стажер Большого театра Николай Басков. Самое удивительное, что режиссером возобновления стал все тот же бессменный Борис Покровский.

Декорации Петра Вильямса выглядят действительно очень красиво — что именье Лариных с поэтичным русским пейзажем на заднике, что уютная комната Тани с балкончиком и образами в красном углу, что балная зала в петербургском особняке. Нет сомнения, что возобновленный спектакль придется по вкусу любителям оперной традиционности, туристам, а если повезет, то и западным импресарио, — нигде в мире писа-

ных задников больше не найдешь. Действие, поставленное Покровским, идет так, как и идти положено действию в подобном антураже. Беда только в том, что петь «Евгения Онегина» в Большом театре решительно некому — лишь молодой бас Айк Мартиросян на безупречном профессиональном уровне справился с весьма небольшой партией князя Гремينا. Дирижерская работа маститого Марка Эрмлера тоже оставляла желать лучшего.

Возобновление «Евгения Онегина» было задумано еще до прихода в Большой театр новой руководящей команды. Она получает в наследство от предшественников умелый декорационный цех и запущенный певческий штат.

С ним театру предстоит побольше возни, чем Онегину с его большим дядей.

Петр Поспалов

АЛЕКСЕЙ БРАЖНИКОВ

Елена Новак и Николай Басков (Ольга и Ленский) очень милы, когда не поют